

ЭТНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ: ЭКСПЛИКАЦИЯ И АНАЛИЗ

^aЗавалишин Андрей Юрьевич, ^bКостюрина Надежда Юрьевна*

^aКафедра социально-гуманитарных наук, Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия

^bКафедра философии и культурологии, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

Цитирование: Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. (2017) Этнические стереотипы: экспликация и анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(2): 177–196.

Аннотация: В статье представлен авторский подход к выявлению и интерпретации в проекции когнитивного и дискурс-анализа этнических стереотипов, во многом определяющих отношение к конкретным этносам и оказывающих заметное влияние на этническую стратификацию российского общества. Приведены результаты эмпирических исследований трех этнических групп Хабаровского края: русских, нерусских и коренных народов, — с использованием тестов парных сравнений и метафор. Выявлено противоречие между отношением к другим народам/ этносам, формируемым системой образования/ воспитания в России (тест парных сравнений), и часто не осознаваемой самими респондентами неприязню в отношении других этносов, существующей на уровне архетипа (тест метафор). Сделан вывод о неоднозначности и противоречивости стереотипных представлений: более высокой оценки и самооценки представителей нерусских этносов, средней оценки и низкой самооценки коренных народов Хабаровского края, низкой оценки и самооценки русских.

Ключевые слова: этнос, стереотип, методология, когнитивный анализ, дискурс-анализ, этническая стратификация

Стереотипы вообще и этнические стереотипы в частности лежат в основе социального поведения индивида (см.: Ильюшкин 2014; Липпман 2004; Шибутани 1969; Tajfel 1981 и др.). До 90 % поступков совершается людьми стереотипно — по привычке, традиции, шаблону. Это разгружает сознание, освобождая время и разум от ежеминутных усилий по переопределению ситуации и выбору желательного действия. При этом стереотипы могут быть как в большей или меньшей степени аутентичными явлению, процессу, системе взаимодействия и т. д., так и находиться в пространстве предубеждения и/ или предрассудка, будучи питаемы социальными мифами. В послед-

* Автор для связи. E-mail: native59@rambler.ru

нем случае они несут реальную или потенциальную угрозу как субъекту, так и объекту социального действия. Проблема в том, что граница между аутентичными и мифологизированными стереотипами часто бывает размытой и не осознается их носителями; преодоление предубеждения/ предрассудка требует когнитивного усилия, которое не каждому по силам и на которое не каждый бывает готов. Более того, значительная часть социальных стереотипов находится в пространстве коллективного бессознательного и может быть эксплицирована лишь путем специального социально-психологического исследования. Что касается этнических стереотипов, то их ментальная репликация и имплицитная императивность, на наш взгляд, проявляются особенно отчетливо и несут прямую угрозу гражданскому миру в современной России. В условиях резкого увеличения миграционных потоков, как международных, так и внутрироссийских, существенно усложняющих этнополитическую ситуацию в стране и имеющих заметную специфику в каждом отдельно взятом регионе, предложенные авторами методика и инструментарий их выявления на уровне отдельного региона (Хабаровский край) приобретают особую актуальность и могут быть использованы для разработки и коррекции региональных стратегий национальной политики в субъектах Российской Федерации в соответствии с государственной программой «Реализация государственной национальной политики», утвержденной постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532.

Впервые этнические стереотипы попали в сферу внимания зарубежных этнологов, психологов и социологов в 1920–1930-е г. (см.: Bogardus 1928; Katz, Braly 1933 и др.), при этом они подвергались преимущественно негативной оценке. Стереотипы трактовались как a priori «ложные», «вредные» и т. д. В отечественной этнопсихологии, этнологии, этнической социологии, социальной антропологии, философии и ряде смежных наук интерес к этнической проблематике и этническим стереотипам в частности возник в 1960–1970-е гг., причем их трактовка оказалась преимущественно более нейтральной, поскольку, как было сказано выше, стереотипы могут нести как ложную, так и достоверную информацию об объекте (см.: Арутюнов 1989; Арутюнян и др. 1984; Бромлей 1973; Панеш 1996; Стефаненко 1999; Тишков 1997; Этнические стереотипы поведения 1985 и др.). Такой взгляд на природу стереотипов вообще и этнических стереотипов в частности остается доминирующим и сегодня (Брубейкер 2012; Маликова 2012; Манько, Шашков 2009).

В 2000–2010-е гг. интерес к возникновению и изменению этнических стереотипов, их влиянию на социокультурные процессы и межэтнические взаимодействия заметно возрос в связи с общим усложнением этнополитической ситуации в России и мире. Это проявилось, в частности, в появлении ряда диссертаций, защищенных по данной проблематике (Арсельгов 2011; Белова 2011; Гладких 2001 и др.). Одной из наиболее близких к нашему

исследованию работ такого рода стала кандидатская диссертация А.В. Бочкаревой (Бочкарева 2014). Однако если ее автор ставил целью преимущественно апробацию психосемантических методов в социологическом исследовании этнических стереотипов студентов РУДН (г. Москва), то мы поставили перед собой более прагматическую задачу: при помощи подобных методов выявить этнические стереотипы населения Хабаровского края в сравнении оценок/ самооценок представителей русского/ нерусских этносов, а также коренных малочисленных народов Приамурья.

Живучесть и репликативность этнических стереотипов связана с их природой, имеющей системный (комплексный) характер. Их элементы коренятся в психологии, культуре, истории данного общества или группы и одновременно питают друг друга, время от времени порождая кумулятивный эффект, чреватый вспышками этнической ксенофобии, сегрегации и экстремизма. Мы согласны с мнением М.И. Левина и Н.В. Шиловой, что наиболее явно этнические стереотипы эксплицируются в этнических мифах, стереотипировании восприятия отдельных этносов и их представителей, реверсивности ксенофобских стереотипов, предвзятостях и предубеждениях (Левин, Шилова 2009).

Существующее в общественном мнении отношение к стереотипам — преимущественно отрицательное (что выявили и проведенные нами опросы). Вместе с тем, если подходить к их экспликации со строго аналитических позиций, свободных от ценностных коннотаций, то «стереотипы уже не определяются как когнитивные дефекты — как ложные, преувеличенные или негарантированные верования, — но определяются более нейтрально, как когнитивные структуры, которые содержат знание, верования и ожидания относительно социальных групп» (Hamilton, Sherman 1994: 2–3; цит. по: Брубейкер 2012: 141). С этой точки зрения, стереотипы представляют собой «категории социальных групп, а их структура и работа зеркально отражают структуру и работу категорий вообще. Как и другие категории, стереотипы представлены в сознании через некоторую комбинацию прототипических характеристик, конкретных образцов, поведенческих ожиданий и наукоподобного каузального знания» (Брубейкер 2012: 141).

Данные предварительные рассуждения позволили нам обозначить методологические рамки исследования этнических стереотипов, основанные на принципах критического дискурс-анализа (Йоргенсен, Филлипс 2008: 108–162) и концепции системных метафор Р. Флада и М. Джексона (Flood 1995).

Критический дискурс-анализ, как утверждают М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, «направлен на выявление роли дискурсивной практики в поддержании социального устройства, включая социальные отношения с неравным распределением власти. Цель критического дискурс-анализа — способствовать социальным изменениям и одновременно более равномерному рас-

пределению власти в коммуникативных процессах и обществе в целом» (Йоргенсен, Филлипс 2008: 114). Данное утверждение мы попытаемся проиллюстрировать на примере формирования этнических стереотипов с использованием метода парных сравнений. Концепция системных метафор Р. Флада и М. Джексона основана на утверждении, что исследование метафор является эффективным когнитивным инструментом выявления стереотипов. Исследователи анализировали 5 метафор: *машина, организм, мозг, культура, политика*, — с целью обеспечения творческого подхода к решению проблемной ситуации. В этих условиях, как утверждает Ю.М. Плотинский, «метафоры оказываются очень эффективным средством понимания новых теоретических подходов с помощью аналогий, атрибуты которых всем хорошо знакомы и вызывают доверие» (Плотинский 2001: 73).

Методы исследования

Выявление латентных этнических стереотипов было проведено нами в сентябре 2013 — апреле 2014 г. в рамках выполнения гранта Министерства образования и науки Хабаровского края (договор № 185/2013 от 06.09.2013 г.) «Социальное меньшинство: дискурс-анализ (на примере коренных народов Дальнего Востока России)» и реализации проекта Автономной некоммерческой организации поддержки детских и молодежных инициатив «Дети и взрослые» — «Информационно-ресурсный образовательный центр «Единение» для национальных, религиозных и образовательных организаций Хабаровского края» при финансовой поддержке Некоммерческого фонда Института социально-экономических и политических исследований (договор Г-22 от 21 октября 2013 г.). Были использованы тесты «парных сравнений» и «метафор».

Поскольку целью данной работы была, прежде всего, верификация тестов, задача построения репрезентативной выборки нами не ставилась. Бланки тестов прикладывались к анкете массового опроса* и при обработке разделялись только по одному критерию — этнической идентификации

* Генеральная совокупность — жители г. Хабаровска, г. Комсомольска-на-Амуре, Хабаровского, Нанайского и Ульчского районов Хабаровского края. Объем выборки N=1193, в т. ч. студенты (241), представители образовательных (243), молодежных (240), национальных (229) и религиозных (240) организаций. Из них 29,3 % мужчин, 70,7 % женщин. В возрасте от 15 до 30 лет — 58,1 %, от 31 года до 60 лет — 35,9 %, старше 60 лет — 6,0 %. По уровню образования: с неполным средним — 5,7 %, общим средним — 43,8 %, средним специальным — 14,2 %, высшим — 36,8 %. По этнической идентичности: русских — 77,9 %, нерусских — 13,7 %, затруднились с определением своей этнической принадлежности — 8,1 %. Выборка двухступенчатая групповая (сплошной опрос членов организаций, студенческих групп, членов педагогических коллективов).

респондента (русский — нерусский — КМНС*). После выбраковки некорректно заполненных бланков остался 261 тест, выполненный респондентами, из которых 162 русских, 34 представителя коренных народов Хабаровского края (нанайцы, ульчи, удэгейцы и нивхи), 65 представителей национальных объединений г. Хабаровска (армян, украинцев, белорусов, татар, евреев, российских корейцев и узбеков). Выделение в отдельную группу коренных народов Хабаровского края было обусловлено их особым статусом в регионе (наличие ряда специфических льгот, социальных программ, направленных на поддержание культуры, традиционного образа жизни, среды обитания, а также устойчивое общественное мнение о их «реликтовом», используя термин Л. Гумилева (Гумилев 1989: 263), состоянии, приковывающем к ним особое внимание и вызывающем патерналистские намерения).

Также необходимо отметить, что мы посчитали некорректным в данном исследовании спрашивать мнение русских респондентов и представителей коренных народов Хабаровского края о нерусских этносах в целом, поскольку ранее нами были выявлены существенные различия в их оценке (от сугубо положительной в отношении украинцев и белорусов до преимущественно отрицательной в отношении таджиков и цыган). Это в равной степени касается и теста парных сравнений, и теста метафор. Также мы учитывали то, что у представителей нерусских этносов отношение к русским тоже неодинаково, однако задача выявления этих различий нами не ставилась, т. к. требовала значительно больших масштабов исследования и выходила за рамки обозначенной выше цели.

Тест парных сравнений включал антонимы: *умные — глупые, аккуратные — неряшливые, трудолюбивые — лентяи* и т. д. (всего 21 парное сравнение), которые мы просили нерусских респондентов и представителей коренных народов Хабаровского края соотнести с «типичными» представителями своего народа и «типичными» русскими, а русских респондентов — с «типичными» русскими и «типичными» представителями коренных народов Хабаровского края, выбрав по одной из предложенных альтернатив (но не более 5 из всего списка, выделив, на их взгляд, самые значимые; отметим, что при ответе на этот тест примерно каждый десятый респондент продемонстрировал приверженность методологическому индивидуализму, демонстративно отказавшись отвечать вообще или выбрав все предложенные варианты, поскольку «нет хороших и плохих народов, а есть хорошие и плохие люди»; такие анкеты при обработке результатов выбраковывались).

Тест метафор включал 6 групп предметов или явлений: 1) *скорость*: ракета, самолет, поезд, корабль, машина, велосипед, самокат; 2) *стихия*: ветер, дождь, гроза, наводнение, землетрясение, цунами; 3) *бедность/ богатство*:

* КМНС — коренные малочисленные народы Севера.

1 рубль, 100 рублей, 1000 рублей, 1000000 рублей; 4) *мощь*: мышь, кошка, собака, тигр, слон, кит; 5) *жизненное (не)благополучие*: шалаш, избушка, квартира, коттедж, дворец; 6) *ценность (=драгоценность народа)*: золото, серебро, железо, алюминий, медь.

Нерусским респондентам предлагалось из каждой группы выбрать по одной метафоре, с которой, по их мнению, ассоциировались представители их народа и русские; русские респонденты делали то же самое по отношению к русским и коренным народам Хабаровского края; представители коренных народов — по отношению к своему народу и русским. В 7-ю (пустую) графу предлагалось вписать собственные метафоры, если таковые возникали (этой возможностью воспользовалось около 30 % опрошенных).

Основная трудность исследования заключалась в том, что некоторая часть респондентов (особенно среднего и пожилого возраста) посчитали тест метафор «несерьезным» и либо вообще отказались на него отвечать, либо подошли к ответам чисто формально. Это предопределило отсеив значительной части некорректно заполненных бланков и в целом потребовало скорректировать цель исследования, ограничив ее апробацией предложенной методики на сравнительно небольшом массиве респондентов для выявления, с одной стороны, методологических ограничений, с другой — эвристических возможностей. Исходными положениями, подвергнутыми эмпирической проверке в данной работе, стали утверждения о том, что (1) значительный пласт этнических стереотипов существует в общественном сознании на уровне архетипов и часто не осознается их носителями; (2) глубоко укорененная в ментальности россиян антитеза «русский — нерусский» обратно пропорциональна антитезе «этническое большинство — этническое меньшинство» («нерусское меньшинство доминирует над русским большинством»); (3) в Хабаровском крае различие на «своих» и «чужих» происходит на пересечении трех пар идентичностей: *местные* (коренное население и «старые» мигранты) — *приезжие* («новые» мигранты, независимо от их этнической принадлежности), *русские* — *натурализованные, но не коренные нерусские* (те и те — «старые» мигранты), *коренные малочисленные народы Приамурья* — *все остальное население региона* (некоренное большинство — «старые» и «новые» мигранты)*.

Данное исследование мы считаем пилотажным, что предполагает в последующем проведение более валидного исследования. Тем не менее, некоторые полученные результаты показали нам заслуживающими внимания.

* «Старые» мигранты — люди, приехавшие на Дальний Восток более 10 лет назад, и потомки переселенцев во 2 и последующих поколениях; «новые» мигранты — переселенцы «третьей» волны, прибывшие на Дальний Восток после 2005 г.

Тест парных сравнений

Прежде всего, отметим, что подавляющее большинство респондентов, участвовавших в опросе, по отношению ко всем оцениваемым этническим группам (включая собственную) выбирали положительные сравнения, что само по себе говорит о сохранении в российском обществе устойчивой установки на дружеские/ нейтральные отношения с представителями других национальностей. Вместе с тем выявились и определенные различия, наталкивающие на размышления.

Оценка представителей коренных народов Хабаровского края ими самими, русскими и нерусскими (см. табл. 1). Здесь обращают на себя внимание два момента. Первое — это отсутствие отрицательных сравнений в первом десятке (по числу выбравших), что явно противоречит устойчивому мнению значительной части представителей коренных народов Хабаровского края о их «второсортности» во мнении русского большинства. Второе — совпадение 7 из 10 сравнений, отмеченных всеми тремя группами опрошенных, свидетельствующее о высоком уровне этнополитического консенсуса в Хабаровском крае в их отношении (представители коренных народов края *трудолюбивые, доброжелательные, храбрые, умные, талантливые, оптимисты, честные*).

Таблица 1

Оценка представителей коренных народов Хабаровского края (десять сравнений, набравших наибольшую долю ответов респондентов, указано в %)

Представители коренных народов	Русские респонденты	Нерусские респонденты
1) талантливые (68,8 %)	1) трудолюбивые (68,5 %)	1) трудолюбивые (77,3 %)
2) доброжелательные (65,6 %)	2) доброжелательные (53,7 %)	2) талантливые (50,0 %)
3) добрые (65,6 %)	3) храбрые (45,7 %)	3) доброжелательные (50,0 %)
4) умные (56,3 %)	4) простодушные (40,7 %)	4) храбрые (45,5 %)
5) трудолюбивые (56,3 %)	5) умные (40,1 %)	5) умные (36,4 %)
6) заботливые (56,3 %)	6) талантливые (38,9 %)	6) предприимчивые (36,4 %)
7) честные (46,9 %)	7) добрые (36,4 %)	7) ответственные (36,4 %)
8) ответственные (43,8 %)	8) предприимчивые (34,0 %)	8) тихие (36,4 %)
9) храбрые (43,8 %)	9) вежливые (30,2 %)	9) простодушные (36,4 %)
10) оптимисты (43,8 %)	10) верные, оптимисты, честные, тихие (28,4 %)	10) аккуратные, заботливые, целеустремленные, оптимисты, честные (31,8 %)

Оценка представителей нерусских этнических групп ими самими (первые десять сравнений, набравших наибольшую долю ответов респондентов,

указано в % от общего числа опрошенных): *умные* (73,1 %); *трудолюбивые* (61,2 %); *талантливые* (59,7 %); *целеустремленные* (59,7 %); *предприимчивые* (53,7 %); *доброжелательные* (52,2 %); *вежливые* (43,3 %); *заботливые* (41,8 %); *громкие* (41,8 %); *аккуратные* (40,3 %). Из числа перечисленных совпали с общими оценками представителей коренных народов края 4: *умные, трудолюбивые, талантливые, доброжелательные*. Вместе с тем многие нерусские респонденты выделили такую черту своего народа, как *громкие* (= громко говорят), что, возможно, с их точки зрения, является положительной характеристикой (антоним «громких» — «тихие» = тихони), но в менталитете русских это выглядит скорее отрицательно (быть *громким* = вести себя вызывающе, не считаться с мнением окружающих).

Оценка русских ими самими, нерусскими и представителями коренных народов Хабаровского края (см. табл. 2). Здесь обращают на себя внимание отрицательные сравнения, причем не только со стороны нерусских респондентов и коренных народов края, но и самих русских (*лентяи, громкие, недисциплинированные, непостоянные, высокомерные*). Совпавшие положительные сравнения русских: *умные, талантливые, целеустремленные, оптимисты*. Совпавшее отрицательное сравнение одно — *громкие*.

Таблица 2

Оценка русских (десять сравнений, набравших наибольшую долю ответов респондентов, указано в %)

Русские респонденты	Нерусские респонденты	Представители коренных народов
1) умные (53,7 %)	1) умные (50,6 %)	1) предприимчивые (64,7 %)
2) талантливые (50,0 %)	2) талантливые (39,1 %)	2) умные (58,8 %)
3) <i>лентяи</i> (45,1 %)	3) оптимисты (39,1 %)	3) <i>громкие</i> (58,8 %)
4) <i>громкие</i> (44,4 %)	4) <i>громкие</i> (37,9 %)	4) оптимисты (50,0 %)
5) целеустремленные (44,4 %)	5) храбрые (35,6 %)	5) талантливые (44,1 %)
6) храбрые (40,7 %)	6) целеустремленные (33,3 %)	6) целеустремленные (44,1 %)
7) мечтатели (37,7 %)	7) мечтатели (33,3 %)	7) ответственные (38,2 %)
8) оптимисты (33,3 %)	8) доброжелательные (33,3 %)	8) <i>непостоянные</i> (38,2 %)
9) предприимчивые, заботливые, ответственные, доброжелательные (29,0 %)	9) простодушные (31,0 %)	9) добрые (38,2 %)
10) <i>недисциплинированные</i> (27,8 %)	10) <i>лентяи, добрые</i> (29,9 %)	10) <i>высокомерные</i> (38,2 %)

Анализ первых десяти сравнений (по количеству выбравших их респондентов) позволяет сделать заключение о сравнительно более высокой оцен-

ке (и самооценке) коренных народов Хабаровского края и нерусских в сравнении с русскими.

Еще более показательное соотношение долей респондентов, выбравших положительные и отрицательные качества представителей этнических групп по всему списку (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение долей респондентов, выбравших положительные и отрицательные качества народов (сумма в %)

Категории респондентов	Выбрали положительные качества (а)	Выбрали отрицательные качества (б)	Индекс оценки (в)
<i>Оценка представителей коренных народов Хабаровского края</i>			
Русские	656,2	241,9	0,46
Нерусские	700,1	222,3	0,52
Коренные народы	881,7	247,0	0,56
<i>Оценка русских</i>			
Русские	604,7	335,8	0,29
Нерусские	549,2	366,3	0,20
Коренные народы	746,8	288,0	0,44
<i>Оценка представителей нерусских этнических групп</i>			
Нерусские	867,0	119,8	0,76

Суммарный индекс оценки (v) представителей этнических групп, рассчитанный по формуле $v = (a - b) / (a + b)$, позволяет сравнить оценки, сделанные тремя группами опрошиваемых. Значения индекса колеблются в пределах от -1 (все сравнения отрицательные) до 1 (все сравнения положительные). Априори можно было бы предположить, что самооценка представителей любого народа должна быть близка к 1 (положительные сравнения значительно преобладают над отрицательными, или последних вообще нет). Оценка другого народа может содержать достаточно много отрицательных сравнений, при этом в ситуации этнического мира должны преобладать положительные сравнения ($v \rightarrow 1$), а в случае межэтнического конфликта (или предконфликтного состояния) v должно стремиться к нулю или даже приобретать отрицательные значения ($v \rightarrow 0$; $-1 \leq v \leq 0$).

Как видно из табл. 3, полученные результаты не выявили угрозы межэтнического противостояния в регионе, однако обнаружили определенную асимметрию в оценках и самооценках. Самое высокое значение индекса (0,76) и, соответственно, самая высокая самооценка дана представителями нерусских этнических групп Хабаровского края. Самооценка представителей коренных народов края несколько ниже (0,56), а самооценка русских — намного ниже (0,29).

Индексы оценок представителей коренных народов Хабаровского края русскими и нерусскими респондентами оказались лишь немного ниже индекса их самооценки и находятся в пределах статистической погрешности, что, на наш взгляд, свидетельствует об общественном консенсусе в их отношении. А вот индексы оценок русских существенно различаются. Представители коренных народов края оценили их более высоко, чем сами русские респонденты, их оценка близка к самооценке и оценке русскими респондентами коренных народов края. Нерусские же респонденты дали русским самую низкую оценку (хотя все же положительную), что позволяет говорить о наличии скрытых угроз в их взаимодействии с русскими. Как представляется, выявленный парадокс (невысокая оценка русских со стороны нерусского населения края, помноженная на невысокую самооценку самих русских) приводит к возникновению у некоторой части русских (прежде всего молодежи) комплекса неполноценности, проявляющегося в повышенной конфликтогенности и часто ничем не мотивированной неприязни к представителям других национальностей («кавказофобия», высокомерно-презрительные эвфемизмы в отношении народов Средней и Юго-Восточной Азии, если не прямое вовлечение, то позитивное расположение к риторике и деятельности русских националистических организаций, участие в акциях наподобие «Русского марша» и т. п.).

Тест метафор

Тест метафор также позволил произвести несколько замеров уровня стереотипирования и особенностей стереотипов в отношении русских, нерусских и коренных малочисленных народов Хабаровского края.

При обработке той части теста, которая включала заданные нами метафоры (*скорости, стихий, бедности/ богатства, мощи, жизненного (не)благополучия и ценности*), мы учитывали не сами выбранные метафоры, а их соотношение в ответах конкретного респондента. Например, если по первой группе метафор (*скорость*) респондент сравнивал представителей своего народа с *ракетой*, а представителей другого — с *поездом*, то это означало, что по данной группе метафор свой народ он оценивает более высоко, чем другой, и наоборот. Соответственно, в таблице значение «больше» показывает долю респондентов (в %), давших более высокую оценку представителям своего народа (*ракета — поезд*), «одинаково» — равную оценку (*ракета — ракета, поезд — поезд*), «меньше» — давших более высокую оценку представителям другого народа (*поезд — ракета*). Выявилась следующая картина (см. табл. 4, наибольшие значения выделены жирным шрифтом).

В табл. 4 просматриваются достаточно четкие закономерности. Представители коренных народов Хабаровского края в 5 случаях из 6 выбирали метафоры, указывавшие на то, что они в сравнении с русскими *менее*

Таблица 4

**Соотношения оценок представителей этнических групп
Хабаровского края**

Метафоры	Значения	Коренные народы сравнивают себя с русскими	Русские сравнивают себя с коренными народами	Нерусские сравнивают себя с русскими
1) скорость ракета, самолет, поезд, корабль, машина, велосипед, самокат	больше	9,1	74,5	51,6
	одинаково	6,1	0,6	4,7
	меньше	75,8	15,3	39,1
2) стихия ветер, дождь, гроза, наводнение, землетрясение, цунами	больше	6,1	61,8	34,4
	одинаково	3,0	0,6	6,3
	меньше	72,7	29,9	56,3
3) бедность/ богатство 1 рубль, 100 рублей, 1000 рублей, 1000000 рублей	больше	12,1	67,5	50,0
	одинаково	24,2	14,0	31,3
	меньше	45,5	8,3	12,5
4) мощь мышь, кошка, собака, тигр, слон, кит	больше	51,5	36,3	46,9
	одинаково	3,0	2,5	0,0
	меньше	42,4	53,5	51,6
5) (не)благополучие шалаш, избушка, квартира, кот- тедж, дворец	больше	0,0	86,0	60,9
	одинаково	6,1	3,2	7,8
	меньше	87,9	3,8	26,6
6) ценность золото, серебро, железо, алюми- ний, медь	больше	30,3	66,9	62,5
	одинаково	12,1	5,1	14,1
	меньше	48,5	21,0	20,3

быстрые, *менее* грозные, *менее* ценные, *более* бедные и *более* неблагополучные, подтверждая этим собственный социальный миф о «второсортности» коренных малочисленных народов по сравнению с русскими. Можно предположить, что в их коллективном бессознательном до сих пор сохраняется стереотип, сложившийся еще во второй половине XIX в., когда они находились на племенной стадии общественного развития, и концепция «развитые “цивилизованные” народы vs отсталые “туземцы”» была, по сути, общепринятой. Сегодня ситуация совершенно иная, а навязчивый стереотип продолжает сохраняться на уровне архетипа.

То же самое можно сказать и о русских респондентах, выбор которых оказался почти зеркальным. Сравнивая русских с коренными малочислен-

ными народами, они в 5 случаях из 6 выбрали более значимые метафоры: русские *быстрее, грознее, ценнее, богаче* и *благополучнее*.

Что касается представителей нерусских этнических групп, то их сравнения с русскими оказались более сложными. Большинство из них выбрали метафоры, характеризующие их народ *более быстрым, более богатым, более благополучным* и *более ценным*, но также *менее грозным* и *менее мощным*, чем русские. Последнее можно объяснить хорошо осознаваемым количественным превосходством русских как в России, так и на ее Дальнем Востоке. Тем не менее, по данной системе оценок более успешными выглядят русские, затем нерусские народы Хабаровского края, а самооценка представителей коренных народов региона оказалась крайне низкой.

Не менее любопытный результат дает рассмотрение собственных метафор, в особенности принадлежащих одному и тому же респонденту, невольно (такая задача в тесте не ставилась) сравнивающему свой народ/ этнос с другим (по причине значительного количества полученных в ходе опроса лингвистических единиц (около 300) ниже мы приводим их обобщенный анализ). Нередко предложенные метафоры воспроизводят растиражированные образы бытовой, повседневной культуры, например, русские ассоциируются с *матрешкой/ баяном/ балалайкой/ водкой*, причем подобные метафоры возникают у представителей всех этносов, включая самих русских. Очевидно, что на формирование/ отбор таких маркеров повлияли клише массовой культуры, например попмузыка (сравни, у Н. Расторгуева: «Баня, водка, гармонь и лосось...»). Интересно отметить, что большинство маркеров, как правило, не образуют логически связанной пары, например, *матрешка*, ассоциированная с русскими, соседствует с *охотой* в характеристике коренных народов Хабаровского края. Однако небольшая часть ассоциативных пар позволяет соотнести маркеры между собой. Например, у одного из респондентов русские обозначены словом *институт*, парным которому в характеристике коренных народов указана *школа*. Такие связанные лексические единицы позволяют предполагать наличие подсознательного «рейтинга» этносов, в котором представители первых и вторых занимают неравные позиции. Как нам представляется, наиболее продуктивным является как раз обращение к анализу пар понятий, образующих логически связанные единицы.

В данном случае нами были поставлены две задачи: по экспликации представлений респондентов о своем этносе и представлений респондентов о других этносах (коренных народов — о русских, русских — о коренных народах, нерусских — о коренных народах и русских).

Наиболее многочисленную группу в массиве лексических единиц составили пары метафор, предложенных русскими участниками опроса (в дихотомии *русские/ коренные народы Хабаровского края*). Часть из них выглядит стандартно: *урбанизация/ связь с природой, высотка/ избушка, православие/*

шаманство, город/ река и т. д. Очевидно, что в основе таких ассоциативных рядов лежит представление о русской цивилизации как развитой, далекой от природных основ, городской, в то время как о культуре коренных народов у информантов сохраняются представления достаточно романтизированные, как о гармоничной с природой, наполненной реалиями именно природной среды (*олень, яранга, юрта, бубен*). Следует отметить, что способом романтизации становится и сам отбор лексических средств, подчеркивающих уникальность и экзотичность их культуры, ее привлекательность для русских. Обозначение явлений бытовой и религиозной культуры также способствует закреплению представлений об уникальности и привлекательности образа жизни северных этносов.

Интересны метафоры, на основании которых возможна реконструкция представлений о судьбе двух культур: *бомба замедленного действия/ последний из могикиан*. Очевидно, что этой парой зафиксировано представление о печальном конце русской/ западной цивилизации, ее гибели как результате ее же достижений, в то время как культура коренных народов предстает «страдающей» стороной, умирающей, потому что закончилось ее время, ушли/ уходят ее носители (что также является штампом, растиражированным в СМИ).

Русская цивилизация ценит материальное благополучие, бизнес, успех, хотя все это оказывается лишенным важности, субъективной значимости (*вода в решете*), в то время как культура коренных народов ассоциируется с душевным, духовным совершенством, спокойствием, традициями (антитезой: *материальное богатство/ богатство души, утрата ценностей/ самобытность, империя/ свобода*). Русская культура в таком контексте оказывается лживой и лицемерной, культура коренных народов края — искренней, мудрой, свободной. Цивилизованный человек живет ради своих личных интересов, человек природы — интересами соплеменников: *каждый сам за себя/ одна большая семья*.

Таким образом, наиболее представительным в сравнении русских с коренными народами оказывается круг метафор, выстроенный вокруг понятий *цивилизация/ природа* с соответствующими им негативной/ позитивной коннотациями.

Немногочисленная группа метафор выстроена вокруг противоположных оценок, в которых русские предстают носителями позитивных качеств, а коренные народы — негативных (*приветливый/ грубый, широкий/ узкий, развитие/ слабость, стойкость/ слабость, хитрость/ обман*). Интересно, что негативные оценки коренных народов связываются с лексическими единицами, указывающими на свойства человека/ характера, в то время как положительные — с привлекательностью экзотических форм их материальной культуры.

Парные метафоры коренных народов Хабаровского края (в дихотомии *коренные народы/ русские*) не так многочисленны, но также дают информацию для анализа. Здесь следует отметить меньшую убедительность интерпретаций представленных рядов метафор в силу недостаточно хорошо известного дискурса, которым задан сам их выбор. Наиболее очевидное значение у пары, уже отмеченной выше: *школа/ институт*. Разница в образовании может фиксировать как культурные реалии (представители коренных народов в совокупности имеют менее высокое образование, чем русские), но также указывать на неравнозначность/ неравноценность/ разноразность/ иерархию между их культурами. В целом перечень метафор связан с конкретными, достаточно распространенными ныне или имевшими место в исторической ретроспективе, элементами бытовой/ повседневной культуры коренных народов и русских (*санки/ коньки, рыба/ береста, курительная трубка/ водка, шалаш/ церковь*). Лишь отдельные лексические пары позволяют предположить наличие метафорического/ символического смысла и приближают нас к уровню осмысления этнической специфики, а не к описанию реалий. Так, в паре *лиса/ медведь* метафора, закрепленная за словом *медведь*, характеризующим русских, отсылает нас к государственной/ партийной символике. Если бы «медведь» не был закреплен СМИ в качестве символа России, он с тем же, если не большим успехом, мог стать и маркером коренных народов, тем более что фигура медведя является центральной и в гербе Хабаровского края.

Еще одна емкая лексическая пара — *олени/ золотая рыбка*. Учитывая интерпретационный контекст, демонстрирующий тяготение информантов к конкретике, рискнем предположить, что данные образы связаны с соответствующими фольклорными/ сказочными текстами (возможно, А.С. Пушкина), входящими в программу обучения русской литературе/ русскому языку в школе. В целом же предложенные пары метафор не позволяют выявить устойчивых стереотипов в восприятии этносов у участников опроса — представителей коренных народов Хабаровского края.

И, наконец, лексические пары, предложенные представителями нерусских этносов в дихотомии *коренные народы/ русские*. В характеристике, данной нерусскими респондентами коренным народам, явно подчеркнута их униженное, далекое от справедливого положение в обществе, в первую очередь, экономическое: *экономическое неравенство/ зажрались*. Подчеркнута малочисленность и/ или малая территория, занимаемая коренными народами, и большое число русских или масштабы занимаемой ими территории: *узко/ широко*. Нравственная чистота народов Севера и безнравственность русских (и то, и другое как крайние оценочные категории является социальным мифом) передана лексической парой *снег/ грязь*; пара *охота/ матрешка* противопоставляет осмысленность деятельности коренных народов бес-

смысленной пустоте лубочной куклы; пара *ремесло/ баян* — это и отражение культурных реалий, и (возможно) «баян» в интернет-значении болтовни, словесных повторов (см. смайлик «бойан»). И еще одна значимая хорошо узнаваемая лексическая пара — *природа/ цивилизация* с указанным выше спектром значений.

Характеристики этой группы более экспрессивные, в их основе — достаточно узнаваемые стереотипы, фиксирующие отчетливо выраженную симпатию к коренным народам Хабаровского края и, в целом, более негативное отношение к русским. Та же ситуация с парами метафор в дихотомии *нерусские/ русские*. Элементы устойчивого стереотипа русской культуры представлены лексическими единицами *матрешка, балалайка, борщ, зима, водка, пиво, СССР, Пушкин*. Образ собственной культуры складывается из *песни, коньяка, лета, алмаза* (дважды). Пожалуй, дважды повторенный *алмаз* задает лейтмотив восприятия нерусскими собственной культуры: это *дорого, благородно*. Метафоры не в пользу русских реализуются в таких лексических парах, как *богатство/ эгоизм, мерседес/ чекушка, i-phone/ сотовый телефон, упрямство/ безалаберность, гордость/ оптимизм*. Деньги как ценность у русских противопоставлены *семье* как ценности у нерусских; *скандал* и *политика* у русских — *музыке* (дважды) у нерусских; *пустая городская площадь* — *фруктовым садам*. Единичный случай кинематографического образа представлен в паре *самурай/ терминатор*; очевидно, что *самурай* в этой паре является носителем ценностей традиционной культуры — благородства и самоотверженности, а *терминатор* — воплощением бесчеловечной разрушительной силы. В целом, группа нерусских респондентов продемонстрировала устойчивое негативное отношение к русским и русской культуре, в значительной степени стереотипированное, далекое от конкретики бытовой повседневной культуры. Их мнение о своей культуре также стереотипировано, отчетливо эмоционально окрашено, в отличие от мнений коренных народов Хабаровского края, укорененных в предметной сфере и эмоционально нейтральных.

Выводы

Проведенное исследование в целом подтвердило наши предположения относительно спецификации этнических стереотипов в отношении русских, нерусских и коренных малочисленных народов Хабаровского края. Так, утверждение о том, что «значительный пласт этнических стереотипов существует в общественном сознании на уровне архетипов и часто не осознается их носителями», получило подтверждение в выявленном противоречии между публично декларируемым толерантным отношением к другим народам/ этносам, формируемым системой образования/ воспитания в России, и неприязнью к другим этносам, существующей на уровне архетипа. Мы это

объясняем тем, что респондентам психологически сложно даже при анонимном опросе говорить о других народах неприятные вещи (они *грязные, ленивые, пассивные* и т. п.) и гораздо проще подобрать метафору, эксплицитно не несущую в себе позитивную/ негативную оценку (*зима/ лето, узко/ широко* и т. д.). Однако именно такие метафоры подводят нас к пониманию часто не осознаваемых самими респондентами стереотипов и предубеждений, влияющих на их диспозиции и модели поведения в отношении представителей тех или иных этнических групп.

Предположение о присутствии в ментальности россиян социального мифа о «доминировании нерусского меньшинства над русским большинством» получило подтверждение в тесте парных сравнений, который обнаружил существенные различия в оценках и самооценках русских, нерусских и коренных народов Хабаровского края: высокой оценке и самооценке нерусских, средней оценке и низкой самооценке коренных народов, низкой оценке и самооценке русских. Однако данный вывод не представляется нам однозначным, поскольку тест метафор дал несколько иной результат: по мнению русских респондентов, более успешными выглядят русские, затем нерусские народы Хабаровского края, а представители коренных народов самые неблагополучные. В метафорах коренных народов Хабаровского края имплицитно проявилась самодискриминация последних — наличие устойчивого стереотипа об их «второсортности» в глазах этнического большинства, конвертирующегося в недостижимость, боязнь выделяться из общей массы, преобладание пессимистических ожиданий над оптимистическими у значительной части их представителей.

Противоречивость выявленных предубеждений и стереотипов не позволяет однозначно охарактеризовать ни одну из этнических групп. Вместе с тем выявленные латентные оценки нерусских и коренных народов Хабаровского края в отношении русских несут в себе как позитивные, так и негативные характеристики, что редко находит проявление в открытом дискурсе (возможно, из-за боязни непонимания или наказания за нарушение политкорректности в отношении этнического большинства). Это усугубляется заниженной самооценкой русских, по ряду позиций склонных оценивать себя даже более жестко, чем это сделали респонденты из числа нерусских/ коренных народов. Явно несправедливая оценка/ самооценка русских имеет целый ряд коннотаций как исторического, так и цивилизационного/ конфессионального плана, анализ которых выходит за рамки данного исследования.

Наша третья гипотеза о различии «своих» и «чужих» на пересечении трех пар идентичностей: (1) местные — приезжие; (2) русские — натурализованные, но не коренные нерусские; (3) коренные малочисленные народы Хабаровского края — все остальное население региона, — также получила подтверждение в отношении 2-й и 3-й пар в выявленных различиях оценок/

самооценок русских, нерусских и коренных народов. Что касается разделения населения региона по критерию «местные — приезжие», то оно часто высказывается респондентами публично, однако нуждается в отдельном исследовании.

Литература

- Арсельгов А.У. (2011) *Этнические стереотипы в культуре*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону.
- Арутюнов С.А. (1989) *Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. М.: Наука.
- Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. (1984) *Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований*. М.: Наука.
- Белова О.А. (2011) *Динамика изменений этнических стереотипов в российском обществе*. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.
- Бочкарева А.В. (2014) *Этнические стереотипы: основные методологические подходы к исследованию и особенности использования психосемантических методов*. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.
- Бромлей Ю.В. (1973) *Этнос и этнография*. М.: Наука.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Гладких С.В. (2001) *Этнические стереотипы как феномен духовной культуры*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь.
- Гумилев Л.Н. (1989) *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Завалишин А.Ю. (2012) Этническое меньшинство в пространстве дискурса (на примере коренных народов Хабаровского края). *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, 2(10): 71–74.
- Ильюшкин В.В. (2014) Стереотипы межнационального восприятия. *International scientific review*, 1: 34–40.
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. (2008) *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр.
- Левин М. И., Шилова Н.В. (2009) Экономические аспекты ксенофобии. *Финансы и бизнес*, 4: 4–20.
- Липпман У. (2004) *Общественное мнение*. Пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Маликова Н.Р. (2012) *Социальное измерение глобализации*. М.: Изд-во РГГУ.
- Манько Ю.В., Шашков Н.И. (2009) *Нации и национальные отношения (исторический и философский анализ)*. М.: Петрополис.
- Панеш Э.Х. (1996) *Этническая психология и межнациональные отношения: взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа)*. СПб.: Европейский дом.
- Плотинский Ю.М. (2001) *Модели социальных процессов*. Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос.
- Стефаненко Т.Г. (1999) *Этнопсихология*. М.: Академический проект.

Тишков В.А. (1997) *Очерки теории и политики этничности в России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Шибутани Т. (1969) *Социальная психология*. Сокр. пер. с англ. М.: Прогресс.
Этнические стереотипы поведения (1985). Под ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука.

Bogardus E.S. (1928) *Immigration and Racial Attitudes*. Boston: D.C. Heath.

Flood R.L. (1995) Total Systems Intervention (TSI): a Reconstitution. *Journal of the Operational Research. Sociology*, 46(2): 174–191.

Hamilton D.L., Sherman J.W. (1994) Stereotypes. In: Wyer R.S., Srull T.K. (eds.), *Handbook of Social Cognition*. 2nd ed. Hillsdale; N.J.: L. Erlbaum Associates: 1–68.

Katz D., Braly K. (1933) Racial Stereotypes in One Hundred College Students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 28: 280–290.

Tajfel H. (1981) Social stereotypes and social groups. In: Turner J.C., Giles H. (eds.), *Intergroup behavior*. Oxford: Basil Blackwell: 144–167.

ETHNIC STEREOTYPES: EXPLICATION AND ANALYSIS

^aZavalishin Andrey*, ^bKostyurina Nadezhda

^aKhabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia;

^bKomsomolsk-on-Amur State Technical University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

Citation: Zavalishin A., Kostyurina N. (2017) Etnicheskiye stereotipy: eksplikatsiya i analiz [Ethnic stereotypes: explication and analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(2): 177–196 (in Russian).

Abstract. Stereotypes can be either greater or less authentic to the phenomenon, process, interaction system, and stay in the space of bias and/ or prejudice being nourished by social myths. In the latter case, they are actual or potential threat to both the subject and object of the social activity. A large part of social stereotypes is in the space of the collective unconsciousness and can be explicated only by special socio-psychological research. The article presents the author's approach to the identification and interpretation of ethnic stereotypes basis on the cognitive and discourse analysis. The authors provide the results of an empirical study of three ethnic groups in the Khabarovsk Territory: Indigenous Peoples, non-Russians and Russians. The article reveals a contradiction between the attitude towards other nations/ethnic groups, formed within a system of education/training in Russia, and hostility towards other ethnic groups existing at the level of the archetype. The authors come to the conclusion about the ambiguity and contradictory stereotypes: high evaluation and self-esteem of representatives of non-Russian ethnic groups, the average evaluation and low self-esteem of indigenous peoples of the Khabarovsk Territory, low evaluation and self-esteem of Russians.

* Corresponding author. E-mail: native59@rambler.ru

Keywords: ethnos, social minority, stereotype, methodology, cognitive analysis, discourse-analysis, ethnic stratification

References

- Arselgov A. U. *Etnicheskiye stereotipy v kul'ture. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Ethnic stereotypes in culture. Author's abstract. Dis. ... cand. philos. Sciences]. Rostov-na-Donu, 2011 (in Russian).
- Arutyunov S.A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeystviye* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. M.: Nauka (in Russian).
- Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Kondratyev V.S., Susokolov A.A. (1984) *Etno-sotsiologiya: tseli, metody i nekotoryye rezul'taty issledovaniy* [Ethnology: goals, methods and some research results]. M. (in Russian).
- Belova O.A. (2011) *Dinamika izmeneniy etnicheskikh stereotipov v rossiyskom obshchestve. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Dynamics of changes in ethnic stereotypes in Russian society. Author's abstract. Dis. ... cand. sociology sciences]. M. (in Russian).
- Bochkareva A.V. (2014) *Etnicheskiye stereotipy: osnovnyye metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu i osobennosti ispol'zovaniya psikhosemanticheskikh metodov. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Ethnic stereotypes: basic methodological approaches to research and peculiarities of using psychosemantic methods. Author's abstract. Dis. ... cand. sociology sciences]. M. (in Russian).
- Bogardus E.S. (1928) *Immigration and Racial Attitudes*. Boston: D.C. Heath .
- Bromley Y.V. (1973) *Etnos i etnografiya* [Ethnos and ethnography]. M.: Nauka (in Russian).
- Brubaker R. (2012) *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without groups], transl. from English by I. Borisova. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).
- Etnicheskiye stereotipy povedeniya* (1985) [Ethnic stereotypes of behavior], ed. A.K. Bayburin. L.: Izd-vo «Nauka» (in Russian).
- Flood R.L. (1995) Total Systems Intervention (TSI): a Reconstitution. *Journal of the Operational Research. Sociology*, 46(2): 174–191.
- Gladkikh S.V. (2001) *Etnicheskiye stereotipy kak fenomen dukhovnoy kul'tury. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Ethnic stereotypes as a phenomenon of spiritual culture. Author's abstract. Dis. ... cand. philos. Sciences]. Stavropol (in Russian).
- Gumilev L.N. (1989) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. L.: Izd-vo LGU (in Russian).
- Hamilton D.L., Sherman J.W. (1994) Stereotypes. In: Wyer R.S., Srull T.K. (eds.), *Handbook of Social Cognition*. 2nd ed. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates: 1–68.
- Ilyushkin V.V. (2014) Stereotipy mezhnatsional'nogo vospriyatiya [Stereotypes of interethnic perception]. *International scientific review*, 1: 34–40 (in Russian).
- Jorgensen M.V., Phillips L.J. (2008) Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and Method]. Khar'kov: Gumanitarnyy tsentr (in Russian).
- Katz D., Braly K. (1933) Racial Stereotypes in One Hundred College Students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 28: 280–290.
- Levin M.I., Shilova N.V. (2009) Ekonomicheskiye aspekty ksenofobii [Economic aspects of xenophobia]. *Finansy i biznes* [Finance and business], 4: 4–20 (in Russian).
- Lippman U. (2004) *Obshchestvennoye mneniye* [Public opinion], transl. from English by T.V. Barchunova, ed. K.A. Levinson, K.V. Petrenko. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye» (in Russian).

Malikova N.R. (2012) *Sotsial'noye izmereniye globalizatsii* [Social Dimension of Globalization]. M.: Izd-vo RGGU (in Russian).

Manko Yu.V., Shashkov N.I. (2009) *Natsii i natsiona'nyye otnosheniya (istoricheskiy i filosofskiy analiz)* [Nation and national relations (historical and philosophical analysis)]. M.: Petropolis (in Russian).

Panesh E.Kh. (1996) *Etnicheskaya psikhologiya i mezhnatsionalnyye otnosheniya: vzaimodeystviye i osobennosti evolyutsii (na primere Zapadnogo Kavkaza)* [Ethnic psychology and interethnic relations: interaction and features of evolution (on the example of the Western Caucasus)]. SPb.: Yevropeyskiy dom (in Russian).

Plotinskiy Y.M. (2001) *Modeli sotsialnykh protsessov* [Models of social processes]: Uchebnoye posobiye dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy. M.: Logos (in Russian).

Shibutani T. (1969) *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. M.: Progress (in Russian).

Stefanenko T.G. (1999) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. M.: Akademicheskii proyekt (in Russian).

Tajfel H. (1981) Social stereotypes and social groups. In: Turner J.C., Giles H. (eds.), *Intergroup behavior*. Oxford: Basil Blackwell: 144–167.

Tishkov V.A. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia.]. M.: Institut etnologii i antropologii RAN (in Russian).

Zavalishin A.Y. (2012) Etnicheskoye men'shinstvo v prostranstve diskursa (na primere korennykh narodov Khabarovskogo kraya) [Ethnic minority in the discourse space (on the example of the indigenous peoples of the Khabarovsk Territory)]. *Uchenyye zapiski Komso-molskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific notes Komso-molsk-na-Amure State Technical University], 2(10): 71–74 (in Russian).